

Глава XIV. Испанское золото на пути в Россию

В последних числах сентября 1936 года атмосфера далеко не походила на эйфорию 19 июля. Хотя речь и не шла о провале революции, однако, можно было смело говорить о том, что Москва и Мадрид взяли её в осаду. Мадрид контролировал доступ к государственной казне, а Москва благодаря политике «невмешательства» превращалась в попечительницу Испанской Республики. Но война была реальностью. Где бы ни проходили войска Франко, в качестве психологического оружия применялась репрессия. Во многих местах борьба прежде всего была связана с выживанием. Трагедия Андалузии и Эстремадуры живо свидетельствовала об этом. А пока военные действия принимали большой размах вместе со всеми подобными фактами, продвигаясь с юга и севера к Мадриду, в высших эшелонах власти, казалось, единственным представляющим интерес была не борьба против повстанцев, а установление сильной структуры власти, способной положить конец завоеваниям рабочих. Последним действием такой контрреволюционной политики было поведение недавно созданного правительства Ларго Кабальеро: потеря Ируна означала изоляцию этого северного района страны.

Милиции Ируна были готовы пролить последнюю каплю крови, защищая столь стратегический пункт революции. Но им недоставало оружия и боеприпасов, и нам совершенно непонятно, почему их не получали из Бильбао, ведь там располагались самые крупные военные заводы. Делегация рабочих прибыла в Мадрид в поисках поддержки и уехала с пустыми руками и, конечно же, множеством обещаний. Всем ясно, что война не может быть выиграна одними посулами, — а сталью и свинцом. Та же самая делегация выехала в Барселону. Комитеты обороны и военная индустрия Каталонии передали ей несколько сотен ружей и пулемётов, которые отправили наземным путём, через Францию. Однако французские власти, соблюдающие режим «невмешательства», не позволили въезд партии оружия в Ирун и задержали грузовики. Центральный комитет антифашистских милиций выделил из своего скудного запаса тридцать тысяч патронов для Ируна, однако, принимая во внимание задержку грузовиков, принял решение отправить боеприпасы по воздуху. Срочно запросили самолёт в Мадриде, и оттуда им пообещали прислать один, марки «Дуглас», но тот так и не приземлился в Прат-де-Льобрегат, где ожидали ящики с боеприпасами, в то время как жители Ируна, использовав последние патроны, подожгли город и искали убежища в Андае¹⁵⁹. За Ируном 15 сентября, последовал Сан-Себастьян. Вся северная часть страны оказалась под угрозой генерала Мола. Можно было прийти к выводу, что правительство жертвовало северной областью для защиты столицы. Если бы такая стратегия являлась ошибочной, то можно было бы найти смягчающие обстоятельства. Но всё складывалось иначе. Талавера уже попал в руки к Ягуэ, и его подразделения могли свободно продвигаться на Мадрид, напрямую, без какихлибо укреплений и препятствий. Генерал Асенсио, сражавшийся на стороне республиканцев, считал, что всё потеряно, и уже

видел Мадрид под контролем повстанцев.

На севере Мадрида также происходила перегруппировка войск. «Милисьянос», хотя упорно защищались, всё же были вынуждены отступить. Франко мог бы спокойно продвигаться вперёд и занять Мадрид, но с политической точки зрения это не входило в его планы, потому что ещё не была образована Хунта де Бургос, которая станет его первым шагом для прихода к власти. Он предпочёл занять Алькасар де Толедо. Москардó сражался за этот город со шпагой в руках, вручённой ему реакционным L'Echo de Paris за «доблесть»¹⁶⁰.

Операция в Алькасаре была не военной, а политической и стратегической. Генерал Франко тем самым уже доказывал, что «войну выигрывают не на полях сражений, а в кабинетах министерств иностранных дел», как написал некто, чьё имя ускользает от нас. Пока повстанцы постепенно изменяли в свою пользу географию страны, которую в первые дни сопротивления реакция народа изменила в свою пользу, республиканское правительство сосредоточилось на подавлении революции, рана её в самое сердце — Барселону. А в Барселоне революция переживала глубокий кризис, в котором резко обозначалось расторжение союза между первичными организациями и верхами. Путь, навязанный НКТ 20 июля, заставлял её идти гигантскими шагами к краху революции. То, чего никогда не существовало в НКТ, возникло почти что спонтанно: бюрократизм, руководящий аппарат и покорность большинства её состава, по причине «членской ответственности»¹⁶¹.

В этом кораблекрушении не поддавались шатанию только Комитеты обороны НКТ и ФАИ, представляющие из себя подлинную основу. Однако по причине войны они также находились в состоянии паралича. Кроме того, одна часть наиболее мужественных активистов, солидарных с этими комитетами и занимавших ответственные посты, доверялась реакции организаций на пленарных заседаниях и плановых собраниях; в то время как другие, сражаясь на линии фронта Арагона, полностью посвятили себя взятию Уэски и Сарагосы, чтобы потом заявить Комитетам, «что уступкам пришёл конец и необходимо решить проблему контрреволюции и провозгласить либертарный коммунизм»¹⁶².

Тем временем Комитеты НКТ и ФАИ, подменяя своими членами базовые организации, которые они сами представляли, поступали «реалистично» и принимали политическую игру как средство не для роста революции, а сохранения власти, которую они, благодаря действию рабочих и крестьян — всеобщей экспроприации, имевшей место сразу же после победы над бунтарями в Барселоне, — постепенно сконцентрировали в своём аппарате. Первый контрреволюционный акт со стороны комитетов НКТ и ФАИ состоял в согласии обеих с роспуском Центрального комитета антифашистских милиций, с тем чтобы впоследствии, 26 сентября 1936 года, их члены вошли в состав правительства Женералитат в качестве советников-«консельерс». Рядовые члены профсоюзов отреагировали на такое грубое нарушение со стороны бюрократии против НКТ; но наиболее ответственные активисты, такие как Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Северино Кампос, Хосе Хена, Маркос Алькон и другие, хотя неохотно, но согласились с этой мерой, что означало участие в предательстве. Почва поплыла под ногами НКТ, и всё её тело наклонялось к пропасти...

В Бухаралосе Дуррути возглавлял колонну в шесть тысяч человек. Они бы пошли за ним на Барселону, чтобы покончить с контрреволюцией, но он, скреплённый гарантией коллективного обязательства, сражался не с целью прихода к власти, а за победу революции, иными словами, за управление обществом свободными и прямо участвующими в революционном процессе людьми. Дуррути избирал наиболее трудный путь. И знал это. Но так как всю свою жизнь он был анархистом, то сейчас не мог отказаться от своего мировоззрения¹⁶³. Он следовал тактике максимального развития революции и сведения на нет контрреволюции в самом процессе преобразований. На каждый удар реакции он будет отвечать революционным ударом...

Дуррути предавался такого рода размышлениям, когда ему по телефону позвонил Гарсия Оливер и сообщил радостную новость: Пьеру Беснарду удалось наладить контакт с предприятием по производству оружия. Оно выразило готовность поставить Республике вооружение согласно её запросу и нуждам. Дуррути нужно было срочно прибыть в Барселону, чтобы совместно обсудить наиболее оптимальный способ проведения этой операции.

Через несколько часов, ночью 28 сентября, он приехал в Барселону. Гарсия Оливер и Сантильян были крайне возбуждены: наконец у бойцов будет современное и эффективное оружие, чтобы совершить в Арагоне заключительный натиск и взять под контроль Сарагосу и Уэску.

Эту возможность нельзя было упустить. «До сих пор, — сказал Сантильян, — все запросы Каталонии перед правительствами Мадрида, будь то Хиралья, или Ларго Кабальеро, потерпели поражение. Эмиссары возвращались с добрыми обещаниями, однако на практике Мадрид не выделял валютные средства, находившиеся под контролем Банка Испании»¹⁶⁴.

Фабрики по производству оружия, организованные в Барселоне, не работали на полную мощность, так как их станки устарели и не хватало сырья. В Мадрид сообщили о необходимости обновления оборудования. Но и этого не удалось добиться. Уже не приходилось сомневаться в том, что Мадрид никогда не даст согласия на предоставление рабочим тех средств, которые могли обеспечить победу революции. Если бы каталонцы выразили готовность отложить революцию после победы в войне, то Мадрид пошёл бы навстречу. Всё это было ловушкой. Комитеты НКТ попали в западню, когда распустили Центральный комитет антифашистских милиций и вошли в состав правительства Женералитат, но рабочие не последовали за комитетами и не собирались прекращать контроль над производством. Ситуация была сложнейшей. Тем не менее, Сантильян и Гарсия Оливер считали, что по причине асфиксии, вызванной политикой «невмешательства», и в связи с этим — нехваткой оружия для Республики Ларго Кабальеро будет вынужден использовать этот шанс под угрозой, что министр обороны предпочтёт победу франкистских войск. Конечно же, представлялось вполне возможным, что если правительство и закупило бы оружие, то оно любыми средствами воспрепятствовало бы его доставке в Барселону. Но это уже было другим вопросом, и нашлись бы пути, чтобы завладеть какой-либо частью груза. «Самым главным, — настаивали друзья Дуррути, — было приобретение оружия со стороны правительства.

Мы решили, что именно ты, как боец и представитель Арагонского фронта, должен поехать вместе с Пьером Беснардом в Мадрид. Твоё присутствие в кабинете Кабальеро будет решающим»¹⁶⁵.

Дуррути не был в уверен в этом, подобно его друзьям. Он считал, что Кабальеро мог на всё отвечать утвердительно, но затем не сдержать слова. Дуррути думал, что нужно было покончить с расплывчатостью и определиться: стоишь ли ты на стороне революции или против. Если речь шла о первой позиции, то необходимо было начать кампанию информации на линиях фронта и в тылу, ясно объясняя политику, проводимую правительством, и что трудящиеся определяют свою позицию; во втором же случае даже не стоило говорить, так как он — Дуррути — не собирался предавать рабочий класс... Как всегда, когда дискуссия доходила до этого места, спорящие не находили общий язык, пока не проводилось собрание НКТ, и тогда... Дуррути уже надоели все эти «и тогда...». Именно при таких спорных обстоятельствах встал вопрос о нападении на Банк Испании.

Что делать? Сантильян отвечает другим вопросом: «Должна наша война стать первой проигранной из-за недостатка оружия, тем временем как имелись средства казны для его покупки?

Мы задумали план взятия из казны Банка Испании той суммы, которая нам причиталась. Эти средства не могли зависеть от решения правительства, которое не принимало правильных решений и терпело поражение в войне. Удалось ли бы нам закупить оружие? По крайней мере, мы были уверены в том, что сможем достать сырьё и оборудование для военного производства и сами сфабрикуем оружие. При минимальном пособничестве была разработана идея доставить в Каталонию часть золотого запаса Банка Испании. Заранее было известно, что необходимо будет использование силы, и в Мадриде заняли позиции приблизительно три тысячи надёжных бойцов; также подготовили все детали транспортировки в специальных поездах. В случае чёткого исполнения плана операция заняла бы немного времени, и прежде, чем правительство приняло бы меры, часть золота уже находилась бы на пути в Каталонию, и это означало бы лучшую гарантию того, что война смогла бы принять совсем иной оборот...»¹⁶⁶.

Кто же были эти три тысячи человек, о которых говорит Сантильян? Они входили в состав анархистской колонны «Тьерра и Либертад» («Земля и свобода»). Она была организована не так, как другие колонны. Её члены тщательно подбирались. Все они принадлежали к анархистским группировкам Каталонии. Когда завершился набор в колонну, обстановка, сложившаяся в Мадриде, потребовала её присутствия на этой линии фронта. Но ввиду того, что колонна была задумана как щит революции, в Мадриде она должна была быть настороже и немедленно выступить, реагируя на любую диктаторскую попытку правительства. Также был обсуждён вопрос национальной казны, и необходимо было заранее подготовить все условия, чтобы, когда придёт время, осуществить намеченный план. Эти детали, полученные нами из различных источников от бывших участников «Тьерра и Либертад», наилучшим образом объясняют, что уже можно было немедленно приступить к действию, как пишет Сантильян¹⁶⁷.

Когда этот план обрёл конкретную форму, речь шла уже не об ожидании Беснарда, а об отправлении в Мадрид, с тем чтобы начать операцию «Банк Испании». Той же самой ночью Дуррути вылетел на самолёте в Мадрид благодаря Андре Мальро, который находился на аэродроме Прат-де-Любрегат, готовый к вылету в испанскую столицу. Дуррути летел неофициально, то есть без необходимого пропуска. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться вылета, и затем в поисках места на борту он встретился с Андре Мальро, который предложил ему свой самолёт. Это была их первая встреча¹⁶⁸.

Сантьяго также отбыл в Мадрид; у него были необходимые официальные документы, и он без проблем нашёл место на одном из самолётов, отбывавших в столицу Испании. Гарсия Оливер в Барселоне должен был встретить Пьера Беснарда и затем представить его Совету Женералитат. Был ли Гарсия Оливер осведомлён о плане, разработанном Сантьяго и Дуррути? В личном письме к нам Гарсия Оливер указывает, что никогда не знал об этом плане. У нас нет причин сомневаться в его словах, и мы в этом труде теперь исправляем написанное во французском издании данной биографии. «Я прибыл в Барселону, — пишет Беснард, — и Гарсия Оливер представил мне “консельерс” Женералитат; я изложил перед ними шансы закупки вооружения для Испанской Республики (...). На следующий день в Барселону приехали представители оружейного консорциума. Они подтвердили мои слова (...) Луис Компанис по телефону изложил ситуацию Ларго Кабальеро, и тот срочно пожелал встретиться с нами. Он попросил, чтобы два ответственных за этот вопрос лица прибыли к нему в сопровождении “консельерс” Женералитат и Пьера Беснарда»¹⁶⁹.

«...Когда подошло время действовать, — пишет в своей книге Сантьяго, — инициаторы плана не захотели взять на себя ответственность за действие, которое оставило бы огромный след в истории. Национальный комитет НКТ и ряд наиболее ключевых активистов были осведомлены о плане. Друзья почувствовали на себе дрожь ужаса; наиболее весомым аргументом против плана, который должен был осуществиться с минуты на минуту, было: такая мера приведёт к возрастанию неприязни в отношении к Каталонии. Что можно было сделать? Идти против собственных организаций не представлялось возможным, и пришлось отступить. Золото несколько недель спустя¹⁷⁰ отбыло из Мадрида, но не в Каталонию, а в Россию; 25 октября 1936 года груз отправился из Картахены на Одессу. Более 500 тонн попали в руки Сталина и содействовали нашему поражению в войне и укреплению контрреволюционного фронта во всём мире»¹⁷¹.

«Как только мы прибыли в Мадрид, — добавляет в отношении этого вопроса Беснард, — нас немедленно принял Ларго Кабальеро, и после краткой беседы, в которой Дуррути указал президенту Совета Министров на его собственную ответственность, согласился представить этот вопрос на обсуждение в Совет Министров.

Этим же вечером, Совет Министров принял решение о закупке военного снаряжения стоимостью 800 млн песет; но на следующий день сумма удвоилась; итого пришли к соглашению об инвестициях в 1 млрд 600 млн. Было оговорено, что треть закупок останется в Каталонии и Арагоне.

Командующий Главным штабом — Кабальеро — отдал необходимые приказы посольству Испании в Париже для быстрого заключения сделки. 3 октября в министерстве морского

флора составили список для закупки, в присутствии Дуррути, продавцов и лично меня.

Подписание этого контракта сразу же вызвало ответную реакцию, так как имел место первый случай вмешательства русских агентов в официальные вопросы испанской политики. Так и случилось: в ночь с 3 на 4 октября сам Розенберг, русский посол в Москве, в 3 часа утра позвонил по телефону в гостиницу “Гран Виа” Дуррути и мне. Он выразил желание как можно быстрее встретиться с нами. Так как у нас не было тем для разговора с послом Советского Союза, мы сообщили ему, что наши и его желания не совпадали, и отклонили его приглашение. 4 октября утром мы отбыли из Мадрида в Барселону»¹⁷².

Спустя два дня местная пресса сообщала о посещении Дуррути Мадрида, и НКТ, печатный орган Конфедерации, опубликовал интервью Дуррути, которое, считая его очень важным, приводим полностью.

ГОВОРИТ ТОВАРИЩ ДУРРУТИ

«Мы совершаем войну и революцию одновременно. “Милисьяно” должен знать, что сражается за землю, за фабрики, за хлеб, за культуру...; мотыга и лопата столь же ценны, как и ружьё. Победа будет за нами, товарищи!»

Дуррути побывал в Мадриде. Мы пожали его руку — пролетарскую, широкую, пораненную и сильную ладонь. Мы слушали его — искреннего, храброго, как лев, опытного в социальных сражениях, дальновидного бойца, жизнерадостного человека. О нём слагают легенды, и он действует как храбрый боец, прочный, как сталь. Он живёт в атмосфере жёсткой и трудной борьбы; его час в Испании пробил, и его отличие было несомненным, со всеми его качествами, на трагичном фоне этой войны.

Он пробыл с нами целый день. Сильный, крупный, высокий; обожжённый солнцем Арагонского фронта. В его глазах, стальном взгляде уже светится победа. Он приехал полный надежд, и его посещение наполнило нас оптимизмом. Его кожаная куртка и альпинистское кепи придают ему вид выдающегося бойца революции.

Это так и есть. Но Дуррути — и это необходимо отметить — не похож на Панчо Вилью¹⁷³. Мексиканский авантюрист сражался для самого сражения; он воевал без цели и причин, не имея никакой политической или социальной программы; а Дуррути — анархист, ведущий постоянную борьбу и обладающий ясным социологическим мировоззрением, мощным революционным импульсом; всё это ставит его выше Вильи. Тот был бойцом со старой душой и довольно жестокий; наш товарищ — революционер, его дух обращён в завтрашний день; он образован, стремится к новой жизни.

Депортированный вчера...

Дуррути руководит в Арагоне многими тысячами товарищей, вместе с ними он добился целого ряда побед над фашистами. Его колонна — пример организации, и мы возлагаем на неё наши самые большие надежды. Наш товарищ — один из наиболее ценных бойцов против фашизма, и, зная это, мы не можем забыть, что четыре года назад те деятели,

которые не смогли защитить Республику, депортировали его на Вилья Сиснерос. Сейчас мы находимся на этапе исправления ошибок, и фальшивая монета пустых людей уже выходит из обращения. Сейчас, когда Касареса Кирогу никто не помнит и его имя не вызывает отклика в душе народа, имя Франсиско Аскасо покрыто героизмом, а Дуррути зажигает надежду в душе испанского пролетариата, особенно сарагосского, который под ужасом расстрелов, ожидает часа народной справедливости.

Дуррути приехал в Мадрид с целью решить вопросы чрезвычайной важности и в основном достиг своей цели. После уверенной победы над фашизмом, когда мы сможем говорить без предосторожностей, народ узнает о цели этого срочного и эффективного визита, благодаря которому наши действия на различных линиях фронта вскоре приобретут огромный размах.

Наступление на Мадрид

Мы воспользовались этой возможностью, чтобы затронуть с нашим товарищем различные темы сегодняшней борьбы, и вот что он нам сказал в отношении линий фронта в центральной части страны:

“Если у нас есть минимальное представление о здравом смысле, тотчас же становятся ясными манёвры противника. Сейчас чётко видно, как настойчиво он пытается предпринять наступление на Мадрид; но это не означает, что его общее положение в стране улучшилось, — совсем наоборот. Давление со стороны Каталонии и Леванте на Арагонских фронтах растёт с каждым днём, и фашисты знают: каким бы упорным ни было бы их сопротивление, Уэска, Сарагоса и Теруэль скоро перейдут к нам. Со стратегической точки зрения эти три пункта чрезвычайно важны. Как только мы возьмём их — а это несомненно, — фронт противника развалится от Калатаюда до Бургоса, и осада Сигуэнсы обвалится, точно так же, как из наступление в области Сьерры.

С другой стороны, мы сможем поставить рядом с нами, на наши боевые позиции, армию численностью в сто тысяч человек. Кроме того, нужно иметь в виду положение в Овьедо. Через несколько дней Астурия будет освобождена от фашистов, и наши товарищи по ту линию фронта, которые так мужественно сражались в октябре 1934 года, знают, что им делать в отношении Галиции и Кастилии. Посмотрите теперь, что происходит в Гранаде и Кордобе: с часу на час наши люди займут их. Таким образом развивается кампания, и ясно: в таких условиях противник должен бы быть глупцом, чтобы не думать о спасении путём взятия Мадрида. Он видит столицу Испании как некое наркотическое средство; но он потерпит поражение на фронтах Центра; так как для такой отчаянной атаки ему нужно будет оголить другие линии фронта. Сопротивление на этом участке, совместно с нашим наступлением на других участках, покончат с ним. Вот и всё.

Укрепления

Итак: сопротивление может быть достигнуто не словами, а укреплениями. Мотыга и лопата столь же ценны, как и ружьё. Повторяйте без устали эти слова. В тылу Мадрида насчитывается огромное количество профессиональных бродяг и бездельников. Нужно мобилизовать их всех, и также необходимо строго контролировать потребление бензина.

Наша сила на Арагонском фронте состоит в том, чтобы все наши достижения, какими бы маленькими они ни казались, были обеспечены незамедлительным сооружением траншей и парапетов. Наши “милисьянос”, которым хорошо известна подготовка поля сражений, теперь уже понимают, что во время любой атаки их спасение в том, чтобы не отступить. Инстинкт самосохранения силён чрезвычайно; но неверно то, что в силу следования ему можно проиграть войну. Нет, мы сражаемся за жизнь, и нужно воспользоваться инстинктом самосохранения для ведения боя. Товарищи из моей колонны, в силу инстинкта сохранения жизни, без какого-либо движения дают отпор атакам противника. А этого, поймите, можно добиться лишь путём укреплений.

Следовательно, в отношении вашего вопроса по поводу этих линий фронта в Центре я категорически настаиваю, что необходимо организовать сеть траншей, парапетов и проволочных заграждений. Весь Мадрид должен жить ради обороны и войны, с уверенностью, что, если так будет сделано, попытка фашистов, сейчас занимающая нас, почти что послужит на пользу всеобщей кампании, потому что враг приложит на этом участке все усилия, а они будут бесполезными — усилия, в которых он нуждается, чтобы отразить нашу атаку на других участках фронта.

Мы — революционеры

— Что ты нам можешь сказать о твоей колонне?

— Я доволен своими людьми. У них есть всё необходимое, и в момент сражений они ведут себя как слаженный аппарат. Не хочу при этом сказать, что “милисьянос” теряют человеческое лицо. Это не так. Наши товарищи знают, за что и зачем они сражаются. Они чувствуют себя революционерами и не идут в бой за пустые слова, ни за более или менее обещающие законы, а за землю, фабрики, мастерские, транспорт, хлеб, за новую культуру... Они знают, что их жизнь посвящена победе.

Кроме того, я думаю, мы, в зависимости от обстоятельств, ведём войну и одновременно совершаем революцию. Революционные меры в тылу не принимаются всего лишь в Барселоне, а идут вплоть до линии огня. Каждый посёлок, занятый нами, начинает действовать революционно. Это самое лучшее в военной кампании. Ребята, это придаёт мне огромный энтузиазм! Иногда я, оставшись наедине с собой, начинаю размышлять о нашем общем деле, и именно в такие моменты я наиболее глубоко чувствую мою ответственность. Разгром моей колонны был бы ужасен, потому что наше отступление не походило бы на отступление никакой армии. Нам нужно было бы взять с собой всех жителей деревень, через которые мы прошли, всех без исключения! С первых линий огня и до Барселоны, по нашему маршруту, там только бойцы, все работают на войну и революцию.

И в этом наша сила.

О дисциплине

Перейдём к насущному вопросу в эти дни: дисциплине.

Друг мой! Я очень доволен. Сейчас много говорят об этом, но я понимаю, что немногие попадают в точку. Для меня дисциплина — это уважение к собственной и чужой ответственности. Я против казарменной дисциплины, которая ведёт всего лишь к отупению, ненависти и автоматизму; но я также не могу согласиться с плохо понимаемой свободой, к которой прибегают трусы, желающие увильнуть от работы, потому что против такого понимания говорят сами нужды войны. В нашей организации, в НКТ, дисциплина самая лучшая; она выражается в том, что члены конфедерации доверяют своим товарищам, занимающим посты в Комитетах. Они подчиняются и исполняют их распоряжения. Во время войны делегатам необходимо подчиняться — в противном случае невозможно исполнить никакую операцию. Если люди не согласны с руководителями, на собраниях можно рассмотреть их замену.

В моей колонне прошли все трюки и уловки Великой войны: „мать на смертном ложе, жена рождает, ребёнок болен, лицо опухло, болят глаза...“ У нас имеется прекрасная команда врачей и санитаров. Кто уличён во лжи... тому предписывают дополнительный рабочий наряд с мотыгой и серпом! Кто пишет пессимистические письма? К корзине для сбора урожая! Кто хочет вернуться домой, так как говорит, что прибыл добровольно и так же добровольно желает уйти? Тот должен выслушать ряд моих соображений о вымогательстве в отношении всех нас, потому что мы рассчитывали на его участие; затем, когда у него уже забрали оружие (оно принадлежит колонне), ему позволяют уйти, но пешком, потому что транспорт тоже служит военным целям. Почти никогда мы не доходим до таких крайностей. Самолюбие “милисьяно” вскоре восстаёт, и, как правило, со словами “Надо мной никто не смеет насмехаться, будь то сам командир колонны!” он возвращается на линию огня и храбро сражается.

Я скажу по всей правде: я доволен товарищами, которые идут за мной. Надеюсь, они тоже довольны мной. Здесь есть всё необходимое. Их подруги могут посещать их и оставаться два дня на фронте; по истечении этого срока они возвращаются в тыл. Газеты приходят ежедневно, питание прекрасное, есть огромное количество книг, и в свободное время лекции пробуждают и поддерживают живой революционный дух всех товарищей. Безделье не приветствуется.

Необходимо занять себя. А в условиях войны — в основном сооружать укрепления. Который час? Час ночи? Да, сейчас мои львы на линии фронта Арагона, под прикрытием мешков с землёй, с большим энтузиазмом роют траншеи...

(Дуррути улыбается, вспоминая своих боевых товарищей. Здесь, в Мадриде, он чувствует эмоциональную связь со своей далёкой колонной.)

— Они не знают, что я здесь, — говорит он самому себе.

Он поднимает взгляд к ночному небу Мадрида. Вскоре реагирует. Встаёт на ноги, сильный и с улыбкой на губах. Под козырьком его кожаного кепи блестит пронизательной взгляд революционера, полный оптимизма. Он кладёт нам на плечи свою сильную руку — руку пролетария — и, закончив интервью, говорит:

Победа будет за нами, товарищи!»174

Версия #2

Зверобой создал 23 июля 2025 16:47:58

Зверобой обновил 23 июля 2025 17:02:25